

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: Город, нация, народ, глобальность.	10
ГЛАВА 1. ГОРОДА, ВЛАСТЬ И МОДЕРН	16
Города и власть	16
Интерпретация городского текста	23
Национальная власть и пути к современным национальным государствам	36
ГЛАВА 2. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ. ЕВРОПА: ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КНЯЖЕСКИХ ГОРОДОВ	49
До наций	51
Развитие территориальных столиц	53
Донациональные города	55
Королевский абсолютизм	57
Нация против князя (и князей)	60
Разломы на Балканах	73
Этнические перемены в Центральной и Восточной Европе	76
Донациональные Центральные державы	79
Скандинавия	82
Романская Европа: национальные государства и религиозные организации	85
Городская политика и городское пространство	88
ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ: ОТДЕЛИВШИЕСЯ ГОСУДАРСТВА КОЛОНИСТОВ.	96
Создание центров в бывших британских колониях	98
Отделение иберийских колоний	111
Столицы отсоединившихся государств.	141

ГЛАВА 4. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ:	
НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОЛОНИАЛИЗМА	144
Южная Азия	148
Юго-Восточная Азия	155
Арабский мир	166
Африка	173
Судьба бывших колоний	193
 ГЛАВА 5. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ:	
РЕАКТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ	196
Токио	199
Бангкок	203
От Стамбула до Анкары	205
Тегеран	210
Аддис-Абеба	213
Основания наций и их столицы	215
 ГЛАВА 6. НАРОД ПОДНИМАЕТСЯ: НАРОДНЫЕ МОМЕНТЫ	
В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ	230
Европейский муниципальный социализм рабочего класса и урбанизм государства всеобщего благополучия	232
Американский популизм и расовая реабилитация	245
Элитизм в бывших колониальных странах и реформистские коалиции XXI века	265
Городские восстания	269
Неожиданное возвращение городских революций	279
Множественность народных моментов.	287
 ГЛАВА 7. АПОФЕОЗ ВЛАСТИ: ФАШИЗМ	
И ПОХОЖИЕ ДИКТАТУРЫ	289
Муссолини и Третий Рим	290
От Берлина до Германии	296
Современные военные диктатуры	306
Насилие, исключение, национализм и капиталистическое развитие	314
Демократические реакции и наследие	318
 ГЛАВА 8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ	
КОММУНИЗМА	320
Коммунизм и город.	324
Восточноевропейская рецепция и изменения.	341
Восточная Азия	355

Куба	366
Социальное зеркало и топография власти в коммунистических столицах	370
Посткоммунизм	376
ГЛАВА 9. ГЛОБАЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ	
В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОРОДАХ	385
Глобализированный городской национализм	387
Проекты глобальных городов: попытка архитектора-модерниста	389
Модернизм, небоскребы и мутации интернационального стиля	396
Контекст и эмпирика: битва за Лондон.	404
Городской момент глобального капитализма	414
Национальные столицы при глобальном капитале	425
Эксклюзивность и приватизация города	451
Капитализм образов и воображаемое племя капиталистического глобализма	459
ГЛАВА 10. КОДА: ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ, БУДУЩЕЕ	
НАЦИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ И ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ В НИХ ЖИВУТ	462
Столицы и другие национальные города	463
Национальный символизм в глобальную эпоху	465
Столица начала XXI века	466
Глобализм и будущее простых людей	470

Город... это точка максимальной
концентрации власти и культуры
общества.

Льюис Мамфорд
Культура городов (1938)

Архитектура есть нечто вроде
красноречия власти в формах,
то убеждающего, даже льстящего,
то исключительно повелевающего.

Фридрих Ницше
Сумерки идолов,
или Как философствуют
молотом (1888)

Введение:

Город, нация, народ, глобальность

ЭТО книга о встречах и отношениях четырех социальных сил: городской, национальной, народной и глобальной. Мы будем изучать то, как они встречаются и как меняют городскую среду обитания в период существования национальных сил, вплоть до сегодняшнего дня. Городская сила стара: города существуют тысячелетиями, однако они изменились вследствие появления национальной силы, данной в форме национальных государств, что произошло лишь два столетия назад. Национальная трансформация городов обычно сосредоточивалась в городском центре национального государства, т.е. в его столице, которая и составляет предмет настоящего исследования. Как правило, национальными столицами становились донациональные города разного типа, однако в некоторых случаях национальные государства строили себе новые города. К выбору своих столиц национальные государства шли по различным историческим траекториям, преодолевая длинный или короткий, сложный или легкий путь. Этот исторический опыт оставил на каждой из столиц четкий след.

Национализм и национальные государства были частью намного более эпохального сдвига, а именно Модерна как новой исторической эпохи, отвергающей авторитеты и институты прошлого (прежде всего духовные) и стремящейся создать новое общество, новую культуру, новый мир. Национальное и глобальное впервые встречаются именно в этом контексте — в форме глобального национализма. Важными местами встреч оказались для них столицы национальных государств, которые должны были теперь приспособиться к глобальным моделям столицы, которая была бы «достойна нации», копируя Париж Второй империи, инфраструктуру

Лондона, а в некоторых случаях — вашингтонские Национальную аллею или Капитолий.

Нации развивались и менялись, а правящие элиты национальных государств сталкивались с растущим народным сопротивлением со стороны угнетенных классов, а также этносов/рас и гендерных групп. В некоторых случаях это сопротивление было достаточно сильным и успешным, чтобы создать особые народные моменты власти, нашедшие выражение в городской истории. Национальная борьба за власть могла принимать самые крайние формы, выливаясь в насилие, но не только деструктивное или краткосрочное, как война или восстание, но также иногда и формы, закрепленные в столичном городе, что мы рассмотрим далее.

В последнее время в центре внимания оказалась глобальная сила, прежде всего в виде глобального транснационального капитализма. С точки зрения ряда современных авторов, национальное находится на грани исчезновения, особенно в больших городах. Мы рассмотрим далее эти тезисы, относясь к ним скептически, но серьезно, и попытаемся распутать внутреннюю динамику глобального, национального и локального, выражаемую в новом стиле глобального урбанизма, вертикальности, новизны и исключительности. В самом конце мы бросим взгляд на будущее наших четырех сил.

За моим интересом к хореографии городской, национальной, народной и глобальной сил скрывается мой прежний исследовательский интерес к формам и отношениям власти, к смыслам, идеологии и символическим формам. Города влияют на нас пространственной структурой социальных отношений, смыслами, которыми они обеспечивают жизнь общества. Это можно считать городской властью, однако города в национальном государстве не являются такими же влиятельными властными акторами, как национальная, народная и глобальная силы. К современным городам лучше подходить как к манифестациям и репрезентациям власти. Наш главный исследовательский вопрос будет заключаться в следующем: какую именно власть проявляет и репрезентирует городское устройство исследуемых нами столичных городов?

Это исследование является глобальным и историческим по масштабам. Оно начинается с первых национальных столиц, с революционного Парижа и Вашингтона, и постепенно доходит до современности — блистающей новой столицы Казахстана Астаны

(ныне — Нур-Султан. — *Примеч. ред.*). Но это, конечно, не энциклопедия мировых столиц и не всемирная история власти. Здесь мы будем работать с рядом важных примеров четырех основных типов национального государства и с формированием национальных столиц в разных частях мира, учитывая определенные исторические моменты изменений власти и то, как столицам различных национальных типов приходилось справляться с народными и глобальными вызовами.

Это был долгий проект, стартовавший в Будапеште в 1996 г. благодаря свободному времени, возникшему у меня, когда я занимал место временно исполняющего обязанности заведующего кафедрой европейской социальной политики в Университете им. Лоранда Этвёша. Много раз проект прерывался в силу обязательств, тогда казавшихся более срочными. Первоначальным толчком для него стала драматическая история будапештской площади Героев¹. В первом исследовании анализировались процессы и символические трансформации, которые превратили крупные города Европы, являвшиеся резиденциями династий, в национальные столицы. В силу некоторых редакторских проволочек оно было опубликовано только в 2002 г.² Потом мне удалось найти определенное финансирование (благодаря двум ныне почившим государственным исследовательским фондам Швеции, FRN и HSFR, а также фонду INTAS ЕС, который тоже стал достоянием истории) и связаться с урбанистами, представляющими разные дисциплины и разные страны, что вылилось в ряд совместных публикаций по региональным вопросам³. Как всегда, мое исследование является плодом ин-

¹ *Gerö A. Modern Hungarian Society in the Making. Budapest: Central European University Press, 1995. Ch. II. Площадь и расположенный на ней, в конце главного городского бульвара, монумент Тысячелетия часто оказывались конечным пунктом моих прогулок.*

² *Therborn G. Monumental Europe: The National Years: On the Iconography of European Capital Cities // Housing, Theory and Society. 2002. Vol. 19. No. 1. P. 26–47.*

³ К числу региональных проектов, ставших частью этой работы, относились: исследование восточноевропейских столиц, организованное в качестве конференции в Хельсинки при активной поддержке Маркку Кивинена (Markku Kivinen) и Энн Хейла (Anne Haila) и опубликованное в работе «Eastern Drama: Capitals of Eastern Europe 1830s–2006», в особом монографическом разделе журнала «International Review of Sociology» (2006. Vol. 6. No. 2); второй восточноевропейский проект с финансированием ЕС вместе с Ларисой Титаренко из Университета Минска, Анели Восилюте из Вильнюса, Афганом Абдуллаевым из Баку — он был сосредоточен на Баку, Минске и Вильню-

дивидуального ремесла, а не промышленным продуктом фабрики научных ассистентов.

Книга стала частью тетралогии глобальных исследований, хотя первоначально такого намерения у меня и не было. Эта тетралогия началась с работы 2004 г. «Между полом и властью: семья в мире 1900–2000 годов» (*Between Sex and Power: Family in the World, 1900–2000*). За нею в 2011 г. последовала работа «Мир. Руководство для начинающих» (*The World: A Beginner's Guide*)⁴, а в 2013 г. — «Смертоносные поля неравенства» (*The Killing Fields of Inequality*).

Для меня эта книга оказалась удивительно стимулирующим и обогащающим опытом, который включал, разумеется, возможность посетить города, о которых здесь идет речь. Критические исследова-

се, а его результаты были представлены в книге на русском языке под редакцией Титаренко (Постсоветские столицы: Минск. Вильнюс. Баку / под ред. Л.Г. Титаренко. Минск: Изд. центр БГУ, 2009); совместный проект с Фернандо Пересом Оярсуном (Fernando Pérez Oyarzún) из Католического университета в Сантьяго (Чили), выполненный на американо-латиноамериканской конференции в 2007 г., который не вылился в публикацию, но был сам по себе очень плодотворным; воркшоп по столицам в юго-восточной Азии в Бангкоке в 2008 г., организованный вместе с К.С. Хо (К.С. Но) из Национального университета в Сингапуре, с результатами, опубликованными в качестве раздела в журнале «City» (2009. Vol. 13. No. 1). Благодаря Лорану Фуршару (Laurent Fourchard) из Университета Бордо и Саймону Беккеру (Simon Bekker) из Стелленбосского университета в ЮАР я получил доступ к исследованиям французских африканистов, с которыми я вместе с Беккером смог организовать в Дакаре в 2010 г. конференцию по столицам. Ее результаты были опубликованы в виде книги при участии африканской сети исследователей CODESRIA: *Power and Powerlessness: Capital Cities in Africa* / ed. by S. Bekker, G. Therborn. Cape Town: HSRC Press, 2012. Наконец, важными были и коллективные международные начинания. Профессор Ин Квон Парк (In Kwon Park) и журнал «International Journal of Urban Sciences» попросили меня выступить приглашенным редактором специального номера по проблеме городов и власти, который вышел в марте 2015 г. (Vol. 19. No. 1). Издательство Routledge опубликовало этот выпуск в 2016 г. в виде книги: *Cities and Power* / ed. by G. Therborn.

Моя исследовательская работа по городам включала, наряду с коллективными совместными проектами, еще и мои собственные статьи: *Therborn G. Transcaucasian Triptych* // *New Left Review*. 2007. 73 (о Тбилиси, Ереване и Баку); *Identity and Capital Cities: European Nations and the European Union* // *The Search for a European Identity* / ed. by F. Cerutti, S. Lucarelli. L.: Routledge, 2008 (о Брюсселе и конкуренции за статус столицы Евросоюза); *Modern Monumentality: European Experiences* // *Approaching Monumentality in Archaeology* / ed. by J. Osborne. Albany, NY: SUNY Press, 2014.

⁴ *Терборн Й.* Мир. Руководство для начинающих. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

ния власти чаще вызывают озлобление, а не радость. Но я надеюсь, что смогу передать в какой-то мере энтузиазм, вызываемый исследованием городов, их различий во времени и пространстве.

На протяжении всего этого длительного периода у меня накопился огромный долг благодарностей. Моя жена Соня Терборн сопровождала меня почти во всех моих городских экспедициях, очень часто непростых, с тех пор, как оставила клиническую психологию (но также нередко и до этого) и обратила свой острый взор психолога на городскую антропологию, просвещая макросоциолога, страдающего свойственной этой дисциплине близорукостью.

Перри Андерсон с характерной для него мягкостью и щедростью поддержал мою первую вылазку в область урбанистики, что придало мне смелости и желания продолжать. Энн Хейла познакомилась с наиболее активной сетью исследователей-урбанистов, работающих в сфере «городских исследований» для Европейского научного фонда. Маркку Кивинен, директор Александровского института в Хельсинки, оказал решающую поддержку как с моим первым региональным воркшопом, так и с предоставлением мне переводчика и гида для поездки в Астану. К концу моего срока на посту директора шведской Коллегии передовых исследований в области социальных наук мой коллега Бьорн Виттрок (Björn Wittrock) предоставил мне возможность собрать в качестве приглашенных специалистов — кого на семестр, а кого и на год — ряд выдающихся исследователей. Это был удивительно плодотворный период, проведенный вместе с Саймоном Беккером, Свати Чаттопадхией (Swati Chattopadhyay), Кумико Фуджита (Kumiko Fujita), К.С. Хо, Лаурой Колбе (Laura Kolbe), Абидином Кусно (Abidin Kusno), Фернандо Пересом Оярсунум и Карлом Шлегелем. Он стал началом как продолжительных дружеских связей, так и вышеупомянутого сотрудничества.

Различные совместные региональные проекты предполагали сотрудничество с эффективными, щедрыми и заинтересованными организаторами: Саймоном Беккером, К.С. Хо, Фернандо Пересом Оярсунум, Ларисой Титаренко и рядом других серьезных исследователей.

Мне также очень помогли многие информаторы, поделившиеся со мной своими знаниями о городах, где они живут. По прошествии всех этих лет я должен извиниться за то, что любой список будет неполным. Некоторые информаторы указываются далее в сносках,

и здесь я публично приношу им благодарность за их доброту. Несколько человек организовали для меня экскурсии и выступили на короткое время научными помощниками: это Юдит Боднар (Judith Bodnar) в Будапеште, которая рассказала мне о многих вещах и связала меня с Юдит Вереш (Judit Veres); Чан Кюун-Суп (Chang Kyung-Sup), который лично сопровождал меня во время нескольких моих визитов в Сеул; Ананд Кумар (Anand Kumar) в Дели; Алан Мабин (Alan Mabin) в Претории; Энцо Минджионе (Enzo Mingione), познакомивший меня в Риме с Альберто Виоланте (Alberto Violante); Джо Сантосо (Jo Santoso) в Джакарте; Алисия Зикарди (Alicia Zicardi) в Мехико. Очень помогли мне шведские посольства в Каире, Хараре, Любляне и Сингапуре, как и норвежские дипломатические миссии в Лилонгве и Мапуто. Помощь с русским языком в Астане и сопровождение предоставили коллеги Тапани Кааккуриниemi (Tapani Kaakkuriniemi) и (во время второй поездки) Лариса Титаренко. В Париже очень помог коллега Эдмон Пресей (Edmond Prétceille), показавший мне пригород (banlieue). Патрик Ле Гале (Patrick Le Galès), с которым я как-то написал статью о европейских городах, служил мне вдохновляющим примером строгой урбанистики⁵.

Йоран Терборн

Юнгбюхольм, Швеция,
середина лета 2016 г.

---

⁵ *Le Galès P., Therborn G. Cities // Handbook of European Societies: Social Transformations in the 21st Century / ed. by S. Immerfall, G. Therborn. N.Y.: Springer, 2010. P. 59–89.*

Глава 1

Города, власть и Модерн

ГОРОДА И ВЛАСТЬ

ГОРОДА возникли как сосредоточия власти и богатства примерно пять тысяч лет назад. Льюис Мамфорд определил однажды город как «точку максимальной концентрации власти и культуры того или иного общества»¹, а впоследствии первым пунктом в своем списке «основных функций города» поставил «преобразование власти в форму»². Сегодня в городах проживает более половины населения всего человечества; власть и богатство достигли беспрецедентного уровня планетарной концентрации. Сегодня, когда мы стоим на пороге планетарной урбанизации, понять то, как власть проникает в искусственную городскую среду и влияет на нее, — задача не только исследовательская, но даже в большей мере гражданская.

Вопреки заявлениям Мамфорда, история и социология города в их основных направлениях чаще оставляли власть без внимания или же изучали лишь прошлые ее проявления. Интересы самого Мамфорда после увлечения барокко сместились в сторону исследования техники и экономики. Недавняя (и действительно качественная) коллективная работа с многообещающим названием «Воплощения власти» начинается с барокко и на нем же заканчивается³. Во внушительной «Истории города» Леонардо Беневоло европейские революции 1848 г. представлены в качестве границы между «либеральным» и «постлиберальным» городом, но

---

¹ Mumford L. *The Culture of Cities*. N.Y.: Harcourt Brace, 1938. P. 3.

² Mumford L. *The City in History*. N.Y.: Harvest, 1961/1989. P. 571.

³ Cohen G., Szabo F. *Embodiments of Power*. N.Y.: Berghahn Books, 2008.

Беневоло почти не интересуется властью после 1848 г.⁴ Питер Холл представляет ось культурного развития в книге «Города в цивилизации», своей поздней работе, однако в четвертом томе, посвященном «городскому порядку», политическому порядку внимания почти не уделяется⁵.

Великий историк и социолог Чарльз Тилли был весьма жестким и критичным исследователем власти, но при этом оставался структуралистом, изучающим материальные сети, а потому мало интересовался смысловыми формами городов — которые он в основном рассматривал в качестве места концентрации капитала — или же государств. Он не принимал различия между барочными, абсолютистскими, династическими государствами, с одной стороны, и национальными государствами с их национальными столицами — с другой, либо не считал это различие важным⁶. С его точки зрения, после отречения императора Карла V в 1557 г. «национальные государства стали играть первостепенную роль», особенно после 1700 г.⁷

Примеров плодотворного взаимодействия политической теории/истории и урбанизма не так уж много, их результаты оставались достаточно слабыми, так что великому урбанисту Питеру Холлу сошла с рук его типология столичных городов, причем не раз, а два или три: впервые — в 1993 г., а потом в 2006 г. и в издании в мягкой обложке, выпущенном в 2010 г.⁸ Выглядела она следующим образом:

1. Многофункциональные столицы.
2. Глобальные столицы.
3. Политические столицы.
4. Бывшие столицы.

⁴ *Benevolo L.* Die Geschichte der Stadt. Frankfurt: Verlag Zweitausendeins, 1983 (оригинальное издание: *Storia della città.* Rome: Laterza, 1975). Ch. 13.

⁵ *Hall P.* Cities in Civilization. L.: Pantheon, 1998.

⁶ *Tilly Ch.* Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992. Oxford: Oxford University Press, 1992 (1975); *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.

⁷ *Ibid.* P. 190, 185.

⁸ *Hall P.* Six Types of Capital City // Taylor J., Lengellé J., Andrew C. Capital Cities/ Les Capitales. Ottawa: Carleton University Press, 1993; *Hall P.* Seven Types of Capital City // Planning Twentieth Century Capital Cities / ed. by D. Gordon. L.: Routledge, 2006. Большинство глав в сборниках под редакцией Тэйлора и коллег и Гордона весьма интересны и полезны.

5. Бывшие имперские столицы.
6. Провинциальные столицы.
7. Сверхстолицы.

При всем уважении, этот список напоминает мне перечень животных, который приводится Мишелем Фуко в качестве цитаты, правда без точного указания источника, из Хорхе Луиса Борхеса, который якобы раскопал его в какой-то старой китайской энциклопедии. Согласно этому списку все животные делятся на следующие типы:

- a. Принадлежащие императору.
- b. Бальзамированные.
- c. Прирученные...
- e. Сирены.
- f. Сказочные...
- j. Неисчислимы...
- n. Издалека кажущиеся мухами⁹.

В господствующем в настоящее время урбанистическом дискурсе власть связывается с узлами экономики, что само по себе является, конечно, легитимной и важной темой, — однако сила города сводится в таком случае к почтовым индексам и официальным адресам крупных корпораций и (или) фирм, специализирующихся на оказании деловых услуг¹⁰. У этого подхода, каковы бы ни были его заслуги, которых немало и которые оправданно превозносятся, в контексте изучения городов и власти обнаруживается два ограничения. Во-первых, его экономизм оставляет за бортом властные проявления самой городской искусственной среды. Любой капиталистический город, как бы мы его ни представляли, — это не только офисы и не только их связи с офисами в каком-то другом городе. Во-вторых, концепция мировых/глобальных городов, выдвигаемая политической экономией, серьезно недооценивает власть государств в современном мире¹¹. В конце концов, это мир, в кото-

⁹ Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-Сад, 1994. С. 28.

¹⁰ Sassen S. The Global City. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991; Taylor P.J. World City Networks. L.: Routledge, 2004.

¹¹ Критика некоторых, с моей точки зрения крайних и несостоятельных, принципов подхода политической экономии к исследованию городов представлена в моей работе «Конец парадигмы: актуальный кризис и идея безгосударственных городов»: *Therborn G. End of a paradigm: The current crisis and the idea of stateless cities // Environment and Planning. 2011. Vol. 43. P. 272–285. Но*

ром предыдущий американский президент (Барак Обама) вел войны на протяжении обоих своих сроков, т.е. дольше, чем любой другой президент за всю историю США, — при его правлении война велась в семи разных странах¹².

Используемый здесь аналитический аппарат (в числе его элементов — формы образования государства и их следствия, сочетание структурных и символических точек зрения на город, определение и изучение моментов важнейших исторических изменений в городах во всем мире), судя по всему, ранее не использовался. Однако мы не претендуем на оригинальность в плане изучения власти как аспекта современных городов. Помимо большого числа монографий, на которые мы часто ссылаемся далее, существует ряд особенно важных сравнительных работ. Поскольку это не академическая диссертация, которая потребовала бы обзора литературы, в своих благодарностях коллегам я ограничусь кратким списком.

Работой, позволяющей осуществить введение в современные исследования, является «Архитектура, власть и национальная идентичность» Лоуренса Вэйла, мастерское исследование архитектуры и устройства столичных городов в самых разных национальных контекстах, отличающееся вниманием к «капитолийским комплексам» правительственных зданий, а также критическим политическим подходом и профессиональным взглядом градостроителя¹³. Современными и по своему охвату интерконтинентальными являются глубокая диссертация (хабилитационная работа) швейцарца Вольфганга Зонне «Репрезентация государства»¹⁴, посвященная планировке некоторых столиц в начале XX в., начиная с Вашингтона и заканчивая Нью-Дели, и коллективная работа под редакцией Дэвида Гордона «Планирование столиц в XX веке». Впечатляющее глобальное исследование по переносу столиц при-

я хотел бы также добавить, что считаю Саскию Сассен и Питера Тэйлора великими учеными-урбанистами, у которых я многому научился.

¹² Военные «интервенции» были предприняты режимом Обамы в Афганистане, Ираке, Ливии, Пакистане, Сомали, Сирии и Йемене. См.: *New York Times*. 2016. 16 May. P. 1, 4. Конечно, война не была единственным занятием Обамы, но все же оказалась удивительно важным, если учесть, что речь о лауреате Нобелевской премии мира.

¹³ *Vale L. Architecture, Power and National Identity*. 2nd ed. N.Y.: Routledge, 2008.

¹⁴ *Sonne W. Representing the State*. N.Y.: Prestel, 2003.

надлежит Вадиму Россману — «Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения», выходящее одновременно с этой книгой¹⁵.

Весьма глубокие и новаторские исследования власти в современных городах появились также, что важно отметить, за пределами академической истории городов и академической социологии, в частности в таких областях, как архитектура и архитектурная критика. Первопроходцами в этом деле стали Деян Суджич¹⁶ и Роуэн Мур¹⁷, которые в равной мере сосредоточены на архитекторах и их покровителях. Из сходной среды возникла и замечательная работа Оуэна Хатерли «Ландшафты коммунизма»¹⁸.

Все искусственно созданные среды в человеческих поселениях являются продуктом властных отношений между их жителями. В настоящей книге, которая не призвана стать общим трактатом о власти, выделяются два источника и несколько типов власти. Она больше сосредоточена на столичных городах национальных государств, а потому центральное место в ней занимает политическая власть. Однако сама по себе такая власть означает не более чем власть принуждения и (или) убеждения посредством институтов и государственных процедур. Мы будем заниматься здесь именно характером и функционированием политической власти в столицах разных стран по всему миру.

Процессы модернизации, связанные с городской властью, образуют четырехугольник конкурирующих сил и типов влияния. В одном углу находится политическая власть — национальная и (или) городская, определение характера которой как раз и является главной целью данного исследования, — такая власть наделена разными полномочиями и обладает разными ресурсами в сфере планирования и регулирования; во втором углу находится капитал, как глобальный, так и национальный, у которого есть экономическая власть и определенные ресурсы планирования и «развития»; в третьем — привилегированные классы с их желаниями, страхами и ресурсами; наконец, в четвертом углу — народные классы с их обидами, но в то же время с их способностью к сопротивлению и переменам.

¹⁵ *Россман В.* Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Издательство Института Гайдара, 2013.

¹⁶ *Sudjic D.* The Edifice Complex. N.Y.: Penguin, 2006.

¹⁷ *Moore R.* Why We Build. N.Y.: Harper Design, 2014.

¹⁸ *Hatherley O.* Landscapes of Communism. N.Y.: New Press, 2016.

Мы начнем с политической власти национальных элит, возникших в ходе формирования национального государства. В рамках этого глобального макроанализа национальные элиты будут рассматриваться в специфических контекстах конструирования национального государства и отношения последнего к господствующему капитализму.

Затем мы рассмотрим два типа и две эпохи вызовов, с которыми столкнулись исторически известные национальные элиты. Один из них — народный вызов, возникший в силу подъема социально-политических сил, ранее исключенных из процесса формирования нации. Другой — глобальный вызов ненациональных сил и проблем. Первый является, определенно, особым типом политической власти; второй, возможно, утверждает превосходство экономической власти.

Конечно, политическая власть может принимать много разных форм, даже если социальные корни у них похожие или тождественные. Мы в нашем исследовании обратимся к высшим проявлениям власти национальной элиты в условиях осознанной ею народной угрозы, а именно к фашизму и родственным ему военным диктатурам. Кроме того, мы проанализируем урбанистический коммунизм как сохраняющийся радикально-народный вызов правлению исторически сформировавшейся элиты, а также посткоммунизм как новый тип политической власти.

После Второй мировой войны многих волновало противопоставление демократических и недемократических архитектуры и городского планирования, особенно в Западной Германии¹⁹. Это здесь тоже учитывается, но такое различие не будет для нас ведущим, поскольку большинство национальных государств на протяжении большей части 225 лет, рассматриваемых в этой книге, были недемократическими.

Народная политическая власть утверждала себя по-разному: в доступе к институциональной власти, т.е. в «муниципальном социализме», городах государств всеобщего благосостояния или, как можно было наблюдать недавно за пределами Европы, в городских правительствах, составленных коалициями среднего класса с городской беднотой, но также в успешных протестах, благодаря которым было остановлено безумие «автомобильного города» в стра-

¹⁹ *Flagge I., Stock W.J. Architektur und Demokratie. Stuttgart: Hatje, 1992; Sudjic D. Architecture and Democracy. N.Y.: Te Neues, 2001.*

нах Северной Атлантики в период с конца 1950-х по 1970-е годы, и, уже сравнительно недавно, в нескольких городских революциях, которые лучше было бы назвать, учитывая их двусмысленный социальный характер (в любом случае не привязанный к рабочему классу), внеконституционными сменами режима. Также эта народная политическая власть может стать весомым фактором переговорного процесса в городах, в которых признается участие общества в городском планировании и развитии.

Столицы по определению являются местами политической власти. Однако вызов, брошенный народом, означает, что часто они оказываются также зонами сопротивления, политической контр-власти и протестных манифестаций, месторасположениями штабов оппозиционных движений, партий и профсоюзов.

Основные национальные элиты были по большей части капиталистическими или прокапиталистическими, и след, оставленный ими в стране и столице, мы, конечно, обязаны учитывать. Однако есть еще и грубая экономическая сила капитала и богатства, действующая помимо политических каналов. Эта экономическая составляющая является вторым источником власти, на который мы должны будем обратить внимание. Она в нашем повествовании задействована в двух основных модусах. Первый — ее влияние на пространственное устройство и на схему расположения зданий, особенно при строительстве небоскребов. Второй связан с городской эксклюзивностью богатства и экономического процветания, которая проявляется в охраняемых и частных городах, доступных только привилегированным.

На определенном уровне все системы политической власти нуждаются в репрезентации, понимаемой как публичная демонстрация. Дабы люди подчинялись власти и следовали ее приказам, нужно, во-первых, чтобы публичная репрезентация распознавалась и уважалась, чтобы к ней относились с благоговением или восхищением. То или иное новое правление учреждается публично, путем определенных церемоний. Во-вторых, власти в национальном государстве Нового времени особенно нужна репрезентация, чтобы задать рамки идентичностям, мыслям, убеждениям, воспоминаниям, надеждам и устремлениям своих граждан. Это вторая, монументальная функция, воплощающаяся также флагами, бантами, памятными знаками, лозунгами на транспарантах и торжественными обращениями к нации.

Экономическая власть как таковая не нуждается в репрезентации; деньги сами по себе являются достаточной силой. Во многих случаях разумнее позволить им действовать в тени, а не при свете дня²⁰. Однако корпорации и капиталисты часто желают продемонстрировать свое богатство и греться в отраженном свете своих зданий, привлекающих восхищенные взгляды.

У «репрезентации» есть оттенок намерения, что существенно сужает подход, который мы стремимся здесь применять. Нам же в основном интересны проявления власти. Репрезентации составляют важную часть таких проявлений, но есть и проявления власти за счет незнания, пренебрежения или отрицания интересов определенных секторов или групп населения, также существуют властные проявления через осуществление порядка или организацию беспорядков, проявления компетентности или некомпетентности.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГОРОДСКОГО ТЕКСТА

Города оформляются властью в двух разных отношениях. Во-первых, социальные отношения в городе структурируются устройством городского пространства, определенным в категориях разделения/связи, центра/периферии, иерархии/равенства и комфорта/дискомфорта/нищеты. Во-вторых, власть конструирует смысл жизни в городе: возможности и ограничения, чувство и приоритеты городской жизни, идентичности в городе, смыслы прошлого города и страны, настоящее и будущее, к которому стремятся люди. Городской текст власти можно прочесть, двигаясь в двух этих направлениях. Ключевые переменные, которые мы собираемся рассмотреть, часто выполняют функции одновременно социального структурирования и трансляции смыслов.

---

²⁰ Комичный пример скрытности финансов — инструкции, данные, вероятно, охранникам, как в гражданском, так и в униформе, охраняющим головной офис Goldman Sachs по адресу Уэст-стрит, 200 в нью-йоркском Баттери-парк-сити, внушительный, но не слишком броский небоскреб. Если подойти к одному из них и спросить, что это за здание, вам скажут: «Офисное здание». — «Что за офисное здание?» — «Ну, просто офисное здание». — «Я думал, где-то здесь находится Goldman Sachs, вы не знаете, где именно?» — «Нет». (Разговор записан 13 апреля 2016 г.) Комичность в том, что здание указано на официальных городских картах, а адрес легко пробить по Google.

Пространственный план

Городской план является производством социального пространства, о чем заявил Анри Лефевр своей удачной формулировкой²¹. В великих древних цивилизациях, таких как индийская или китайская, он проектировался в качестве космологической репрезентации связи города с космическим порядком. Позднее, например в европейской истории и в целом истории Нового времени, произведенное пространство — это обычно пространство земных властных отношений. Базовые элементы пространственного устройства — это предусмотренные им направления или системы улиц; распределение в нем участков застройки разных размеров; «края» или границы внутри города, а также границы с не-городом или другим городом (сейчас они часто размыты); открытые площади; транспортные узлы; выделенные зоны, районы или кварталы; а также то, что можно было бы назвать их способами ориентации, т.е. их собственной концепцией соотношения центра и периферии, использованием той или иной топографии, например разновысотного ландшафта²².

Мы не имеем здесь дела с метрическими переменными власти или же с четко разграниченными универсальными категориями, так что наш анализ должен быть экспериментальным и контекстуальным. Возможно, следует упомянуть некоторые общие правила касательно того, с чего начать рассмотрение.

Что составляет центр города или, если речь о больших городах, центры (во множественном числе)? Исторически противоположными случаями были, с одной стороны, открытое публичное пространство, агора или форум (в республиканских Афинах и Риме), и, с другой — замок, дворец (как в Пекине или Эдо/Токио, а также в монархической Европе) или храм (как в Теночтитлане). Каковы функции центра (центров)? Как центр (центры) связан(ы) с остальной частью города? Исторически унаследованы две основ-

²¹ *Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Oxford University Press, 1991 [1974]; Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka-Press, 2015.*

²² Я опираюсь здесь в основном, если не исключительно, на главу 3 «Образ города» Кевина Линча (*Lynch K. The Image of the City. Boston: MIT Press, 1960; Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982*) и на работу Спиро Костофа «Город оформленный» (*Kostof S. City Shaped. N.Y.: Bulfinch Press, 1991*), особенно на главы 3 и 4 этой книги, хотя власть не является в них основным предметом рассмотрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru